

КАКОВЫ ваши планы на будущее? В какой роли вы снимаетесь? Какого героя хотели бы сыграть?

Такие вопросы мы обычно задаем киноактерам. На этот раз мы решили задать другой вопрос. — Почему вы редко снимаетесь в кино?

Вот что ответил на это заслуженный артист РСФСР **МАРК БЕРНЕС**

ПЛАНЫ? Знаете, в применении к киноактеру все эти вопросы нужно было бы ставить наоборот:

Почему у вас нет планов на будущее? Почему вы не снимаетесь в той роли, которую бы хотели сыграть? И почему вы вообще не снимаетесь или мало снимаетесь?

Последний вопрос как раз мне и задан. И правильно. Потому что ни на один из вышеприведенных традиционных вопросов ответить вам я бы не смог. Кроме опять-таки традиционного; хотелось бы сыграть роль современника.

О «своих» планах актер обычно узнает... по телефону. Уличные рекламы учат:

«Один поворот телефонного диска — и город далекий становится близким».

Но плохо, когда телефон становится как бы хозяином положения. А именно так часто и получается с актером. Пока не позвонит телефон, актер ничего не знает о собственных (!) планах. Ему остается только сидеть и ждать предложений.

А годы уходят. Уходит молодость. От вынужденного безделья, тоскливого ожидания и талант постепенно изнашивается, как никогда не изнашивался бы в работе.

За свои тридцать лет в кино я сыграл около сорока ролей. Много это или мало?

Я считаю, что мало. Я считаю, что должен был сняться в восьмидесяти. Да, я считаю, что недодал государству в полтора, в два раза продукции. И это не излишек самоуверенности, не бахвальство — это элементарный расчет. Как правило, наши актеры делают меньше, чем могли бы. Полторы-две роли в год — вот, по-моему, средняя норма актера (я имею в виду, конечно, сложившегося актера, известного зрителю). А дает он на самом деле? Иногда годами ничего — именитый, популярный. Я считаю, например, что и такие как будто часто снимающиеся актеры, как Баталов или Андреев, могли бы и должны бы сниматься чаще.

Актерский талант, актерские силы у нас на студиях не планируются. Планируется многое — мощность проектируемой машины, глубоко творческий, одухотворенный труд ученых, планируется количество спектаклей и занятость актеров в театральных труппах, планируется, наконец, кинопроизводство — и в этом кинопроизводстве все... кроме актера, кроме актерского таланта.

Но, могут мне возразить, как же можно планировать такое глубоко индивидуальное, такое тонкое и хрупкое нечто — талант?

Вот именно поэтому! Потому что тонкое и хрупкое, потому что глубоко творческое. Потому что это судьба художника, потому, наконец, что актерский талант — это народное достояние и разбазаривать его, забывать о нем нельзя!

Ни для кого не секрет, что зритель в кино обычно «идет» на актера. И я не думаю, что причина здесь только в неосведомленности и незрелости зрителя. Реалистический кинематограф — а таким всегда было, есть и будет наше киноискусство — немыслим без человека, следовательно, без актера. Мне кажется, не умереть, а воскреснуть в актере должны режиссер, сценарист, оператор: ему они вручают драгоценную эстафету общения со зрителем. Актер всегда на переднем крае кинематографа. И в этом не только «парадокс» экрана, в этом закономерность. вспомните фильмы прошлого года, такие, как «Все остается людям», «Оптимистическая трагедия», «Порожний рейс», «Коллеги», «Приходите завтра», «Это случилось в милиции» — успех их в очень большой степени (а иногда и целиком) обеспечен актерами.

Но сколько времени ждал Николай Чер-

Актер и Театр

касов встречи со зрителем? И разве кто-нибудь написал для него специальный сценарий? Разве кто-нибудь думал о том, что вот есть у нас такой талантище, такая легенда — и нужно устроить состязание на самом высоком режиссерско-сценарном уровне, с самым строгим жюри, кому вручить, кому доверить право снимать и писать для Черкасова? А здесь ведь взяли уже то, что было предложено на сцене самим Черкасовым.

А Эраст Гарин? Опять-таки нужно было «оживить» Шварца — давно знакомого и самим Гариным «освоенного» Шварца, чтобы зритель увидел любимого актера.

Борис Чирков играет занятные, может быть, и то не всегда, эпизоды. Алексей Грибов снялся в милой, но для Грибова микроскопической роли — папаша во «Взрослых детях». Николай Крючков, так остро и по-новому показавшийся в «Сорок первом» и в «Жестокости», молчит. Екатерина Святинова, о которой так много говорилось в минувшем году, снова получила эпизод. Инна Макарова пока без роли. А Нонна Мордюкова? Актриса принципиально не берется за плохие роли? Ну что же, тем хуже для нее, могут сказать сценаристы. А по-моему, тем хуже для сценаристов.

Может быть, кто-то поймет меня так, что я призываю к какому-то конвейеру в творчестве. Разве может Черкасов или, скажем, Гарин сниматься каждый год? Будут ли это полноценные работы?

Будут полноценные роли — будут и полноценные работы. А киноактер — беспокойный человек. Он, как геолог, всегда в пути. Его жизнь — в самолетах, поездах, дребезжащий стакан чая в купе — вот и весь его завтрак. Чего не вытерпит киноактер ради роли!

Конечно, у нас есть актеры, снимающиеся часто. Образуется своеобразная мода на актера. Его раут на части. Но ведь актеров много. И много талантливых. Помнить о всех, о каждом — трудно. И вот вдруг один какой-то актер хорошо сыграл роль (правда, он мог и раньше сделать это). Его лицо крупным планом выделяется в неопределенной актерской массе. И его начинают снимать чуть ли не из картины в картину. Но разве это забота об актере? Почти всегда это именно мода. Роли, как правило, актеру предлагаются однотипные. А тотом критики и режиссеры заявляют: «Он выдохся. Он непрофессионализировался». И начинается мода на другого актера.

Режиссеры очень любят сейчас снимать новых артистов. Каждый режиссер хочет быть открывателем талантов. А кто будет заботиться о судьбе открытого таланта? Режиссер «не видит» открытый им талант в новой роли, в своей новой картине. А может быть, он просто не может с ним справиться? Из открытого уже таланта нужно «вынимать» новую роль, нужно много работать. Так не легче ли подобрать нового актера или актрису, уже подходящих типажно к роли? Не потому ли не находят роли Мордюкова или Савинова — уж слишком яркие индивидуальности? Может быть,

со мной будут спорить, но я уверен, второй раз снять актера так же хорошо, как первый, труднее.

Режиссер не отвечает за судьбы актеров и никто этого с него не спрашивает. Спра-

шивают за перерасход сметы, пленки, реквизита — только не за актера.

Я не покушаюсь здесь на права режиссера, я говорю только с точки зрения бесправилия актера. В кино все зависит от режиссера. От этого никуда не денешься — он командир производства. Но сценарист запретит у себя дома на полгода и напишет сценарий. И если он талантливый, его поставят. Но хорошего оператора студия обязана занять в производстве (впрочем, даже и не очень хорошего). Тоже и художника. И звукооператора. И любого штатного работника. Киноактер же ждет у телефона...

Государство учит киноактера пять лет бесплатно. По окончании института его берут в штат и платят ему зарплату. Значит, в организованном, плановом порядке нужно и заботиться о киноактере. Планировать его работу. Нельзя отдавать судьбы стольких людей на волю прихотливого режиссерского «вижу — не вижу».

Есть плохие актеры?

Есть, вероятно (как и режиссеры, и сценаристы).

Может быть, несовершенна система воспитания актеров?

И это может быть. Я, например, считаю, что не надо каждый год принимать людей на актерский факультет ВГИК. Пусть их будет меньше, но пусть будет время поразмыслить, подумать над судьбой каждого. Впрочем, это особый разговор.

Балласт может быть всюду.

Но те актеры, о которых я говорил выше, их талант — это золото. А оно зачастую копится под спудом.

Киностудии должны планировать занятость актеров. Они должны учитывать ее при заключении договоров на сценарии. Они должны, возможно (а почему бы и нет?), и заказывать сценарии, специально рассчитанные на тех или иных актеров. Они должны, наконец, давать определенные рекомендации режиссерам. Это не есть какое-то ущемление свободы режиссерского творчества, речь идет о разумном использовании всего того актерского богатства, которое есть, которое уже накоплено. Очевидно также, что актеры шире и больше должны участвовать в художественных советах и прочих органах, решающих судьбу нашего кинематографа в целом и фильмов, в частности.

Возможно, все здесь высказанное может показаться слишком резким. Но мне кажется так и только так можно говорить о наболевшем. Актер должен наконец занять в кинематографе то положение, которого заслуживает, на которое дает ему право народное признание.

В сущности, сказанное здесь в общем-то не ново. Об этом и говорится и пишется более чем достаточно. За последнее время предприняты некоторые конкретные шаги в решении актерской проблемы. Но сделать еще надо многое. Надо!

Актер не должен ждать у телефона решения своей участи.

Право же, это не лучший способ обращения с народным достоянием — талантом.